

ФЕНОМЕН ИНДОКТРИНАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается природа индоктринации, ее эволюционные корни и основные функции. Авторы подчеркивают, что индоктринация является универсальным свойством всех человеческих обществ, и все идеологии социального контроля основаны на человеческой способности отслеживать и насаждать групповые интересы. В статье показаны примеры практик индоктринации, связанные с формированием групповых идентичностей в интересах своей группы.

Ключевые слова: индоктринация, групповое единство, социальный контроль, групповые интересы.

Индоктринация представляет собой навязывание личности или группе идей, суждений, когнитивных стратегий или профессиональных методологий путем внешних предписаний. Она происходит на внутригрупповом уровне и является мощным механизмом группового контроля в отношении отдельных индивидов, составляющих группу. Социологи и политики уделяют большое внимание феномену индоктринации и в последнее время часто обсуждают ее опасные последствия как инструмента, используемого террористами, экстремистами и диктаторами. Принимая во внимание глобальное распространение практик индоктринации, в этом докладе мы обратимся к вопросу о природе данного явления и обсудим его основные функции. Сначала проанализируем эволюционные корни индоктринации у человека.

Специалисты в области этологии человека одними из первых обратились к изучению эволюционного смысла феномена индоктринации и индоктринирования [9; 8]. В соответствии с этологическими представлениями, индоктринация явилась важнейшей социальной адаптацией человека, и ее основной целью было стимулирование и поддержание единства группы. Механизмы индоктринации задействованы во всех типах процессов социализации. Они, в частности, лежат в основе родительского влияния на детей,

задействованы в процессах образования, поддержания правил поведения в семье и группе. Сочетая требовательность и наказание, с одной стороны, с любовью, лаской и защитой – с другой, родители формируют в детях чувство долга, уважения, причастности, солидарности и семейной идентичности. Для успеха индоктринационного процесса исключительное значение имеют способы воздействия актора на новообращенного, прежде всего, персонификация и адресность. Типичным следствием индоктринации является *родственный фаворитизм*. Родственные предпочтения были широко распространены в племенных догосударственных обществах и поддерживались на протяжении тысяч лет человеческой истории, благодаря механизму кин-отбора. Фенотипическое сходство, включая внешность, сходство выражения эмоций и черты личности, служили положительными сигналами, стимулирующими кооперацию, дележ, теплоту и заботу [6]. Сходство по фенотипу играло также существенную роль в торможении агрессии и ее предотвращении.

Большую часть своей истории человечество существовало в виде небольших групп, объединяющих родственников и хорошо знакомых людей. Хорошей иллюстрацией таких групп служат современные бродячие охотники-собиратели (хадза Танзании, бушмены Намибии и Ботсваны) [12; 3; 11]. Родственники с материнской и отцовской сторон составляют ядро группы даже в условиях подобных социальных систем с текучим составом. Лояльность к родственникам, совместная забота о потомстве, забота о стариках – все эти характерные важнейшие стратегии поведения человека были бы невозможны при отсутствии эффективных механизмов индоктринации.

Вместе с тем, даже группы бродячих охотников-собирателей не состоят из одних только близких родственников. Социально детерминированное родство представляет собой надежный способ расширения границ взаимной поддержки и обязательств, благодаря включению дальних родственников, свойственников и неродственных людей в группу, и объединения их на основе культурно-изобретенных систем классификации родства. Изобретение систем социального родства явилось важнейшей адаптацией *Homo sapiens* [15: 134]. Расширение сетей социальных связей,

включающее не только родственников, но и неродственных людей, объединенных взаимными обязательствами, существенно повысило шансы на выживание групп, и позволило человечеству заселить разные экологические ниши, начиная от африканских пустынь до циркумполярных зон [7]. Люди, объединенные социальным родством, могут почитать единого общего предка (не важно, является ли он реальным прародителем, тотемным животным или духом), или породниться, пройдя совместные инициации, пережив сходные испытания. Могут также устанавливать побратимские отношения, проходя особые ритуалы, связанные с обменом подарками и обещанием взаимных услуг [4]. Широкое распространение практик социального родства делают групповой отбор одним из мощнейших инструментов социальной эволюции человека.

Как говорилось выше, индоктринация является универсальным свойством всех человеческих обществ, однако степень индоктринационного давления может существенно варьировать. Кунг Сан, известные своей эгалитарностью, обычно упоминаются в качестве примера наименее индоктринированных обществ на Земле. В антропологической литературе повсеместно упоминается их индивидуализм и ориентация на индивидуальное принятие решений. Тем не менее, именно использование практик индоктринации позволяет этой культуре выживать в окружении других культур. Полли Виснер – один из ведущих экспертов по данной культуре, обращает внимание на интенсивные практики индоктринации, связанные с обеспечением функционирования социальных сетей дележа в условиях негарантированного поступления пищевых ресурсов [15: 140]. Родители практически насильно принуждают детей обмениваться подарками с более дальними родственниками, не входящими в семейное окружение ребенка. Подобное обучение начинают рано: порой, уже с 6-ти месячного возраста. Ребенку внушают, что он должен дарить свои бусы родственникам за пределами нукlearной семьи. После этого с его шеи снимают бусы (это делают родители или бабушки-дедушки) и затем бусы вручают дальним родственникам, проявившим заинтересованность в данном ребенке. Совершенно не важно при этом мнение самого малыша. Взрослея, дети начинают дарить подарки

дальним родственникам по собственной инициативе. Подобная процедура индоктринации закладывает фундамент реципрокных обменов в рамках расширенной сети родственных связей.

Практически все идеологии социального контроля основаны на человеческой способности отслеживать и насаждать групповые интересы. Путем индоктринации членов группы принуждают к идентификации с целями и интересами своей группы [13: 347]. Социальный контроль в отношении сородичей лежит в основе групповых эволюционных стратегий, начиная от требований моды и заканчивая юридическими законодательствами и жесткими социальными нормами поведения, пренебрежение которыми жестоко карается. Обычное право и сегодня остается эффективным инструментом разрешения конфликтов и снижения внутрigrупповой социальной напряженности во многих племенных обществах. В качестве примера приведем конкретные факты из жизни датога – скотоводов Танзании [2]. Это общество старается решать любые возникшие трения и конфликты на собраниях местной общины, клановых собраниях, собраниях старейшин и женских собраниях. На одном из таких собраний общины старейшины разбирали факты семейного насилия. В результате, обидчик (муж) по решению собрания должен был выплатить жене штраф в виде нескольких коров из своего стада, а также передать одну корову старейшинам за причиненные хлопоты. В итоге другого собрания, на этот раз, кланового, нарушителю датогских норм поведения (взрослый мужчина в возрасте около 40–45 лет, ослушался своего отца) было вынесено порицание, сопровождавшееся публичной поркой, штрафом пострадавшему (отцу) и членам собрания. Таких примеров социального контроля без обращения к танзанийским органам правопорядка у датогов множество. Более того, это общество старается всячески оградить своих членов от судебных тяжб с чужаками. На одном из общинных собраний старейшины решили внести компенсационный выкуп за кражу коровы, совершенную молодым датогом у мбулу (другое племя) из соседнего поселения, дабы избежать его ареста полицией. На том же собрании вор был подвергнут публичной порке, а его родственники были вынуждены внести компенсационный штраф со-

бранию в виде нескольких коров. Молодой мужчина получил категорическое предупреждение, что в случае повторного преступления он будет подвергнут остракизму и изгнан из датогского общества. Подобное изгнание влечет за собой катастрофические последствия: никто, даже ближайшие родственники, после вынесения приговора, не имеют права оказывать помощь или поддержку изгнаннику, принимать его в своем доме. С изгоем запрещено какое-либо общение, даже обмен приветствиями при встрече.

Еще одним примером жестокой расправы в направлении отступников может служить индоктринация в отношении наказания колдунов и ведьм. Наряду с индоктринацией с целью формирования военных объединений, расправы над колдунами широко известны. Многие антропологи описывают подобные случаи среди племен Новой Гвинеи. Так, Вульф Шифенховель, работавший среди айпо, описывает ужасающие примеры жесточайших расправ с членами собственной или соседней деревни, заподозренными в колдовстве, и подчеркивает, что эти действия являлись легитимно санкционированными [14: 118–120]. В соответствии с представлениями айпо, колдуны, практикующие черную магию, ставят себя вне группы, нарушают групповую солидарность. Следовательно, их уничтожение морально оправдано и служит актом агрессивного возмездия. Тот факт, что колдовство практически никогда не бывает доказанным, никого не останавливает и тревоги не вызывает. В сущности, подобная расправа служит показательным примером неотвратимости кары нарушителю группового единства, и одна жизнь, по мнению айпо, – невысокая плата за всеобщее благо.

Тот же автор отмечает, что айпо слабо контролируют свои негативные эмоции, они реагируют агрессивно при возникновении любых споров даже со своими односельчанами. Насилие в отношении «других» (не членов своей деревни) бывает куда более жестоким. Военные действия начинаются при малейшем подозрении в том, что кто-либо из жителей соседней деревни «колдовал» и навел порчу на конкретного мужчину, членов его семьи и даже его собак и свиней. Айпо высоко ценят физическую силу и умение драться. Они всячески поощряют развитие этих качеств у детей. С первых шагов социализации в детских коллективах (в

возрасте 3–4 лет), мальчики активно играют в войну и оттачивают искусство метания стрел, тренируясь друг на друге. В результате таких опасных игр многие подростки становятся инвалидами (теряют глаз, получают травмы головы и тела). Однако, родители не только не останавливают, а, напротив, всячески одобряют такую практику. Нахваляют наиболее активных драчунов, и высмеивают мальчиков, ведущих себя в драках более пассивно, или уклоняющихся от подобных игр.

Типичным примером практик индоктринации в отношении подростков являются также церемонии инициации в малых персонифицированных обществах. У бушменов !Кунг инициация происходит централизованно. Мальчики из отдаленных поселений, ранее не знакомые друг с другом, встречаются и вместе переживают болезненные процедуры и физические ограничения. Во время инициации все инструкции мальчики получают от незнакомых людей. Основной смысл наставлений сводится к формированию у обращенных осознанного чувства членства молодого человека в обществе, личной ответственности в соблюдении общих норм и практик. Широко известный танец-транс, практикуемый !Кунг, представляет собой пример коллективной реакции сообщества на возникающие проблемы, и он также включает индоктринацию. Практика трансa требует участия всех членов общины, каждый из которых выполняет определенную функцию: ведет танец, хлопает в ладоши, массирует другого, поет или проводит лечение. Трансa представляет собой идеальную модель коллективного разделения общей ответственности у бушменов !Кунг.

Сходные нейрональные механизмы формирования идентичности и братской поддержки, основанные на базовой оппозиции «мы» и «они», не всегда используются во благо. Они широко эксплуатируются актерами индоктринации в случае с детьми-солдатами, воинскими союзами, гангстерскими группировками. Индоктринация может осуществляться с высокой долей эффективности применительно к лицам любого возраста, будь то дети или взрослые, и часто строится на эмоциональной вовлеченности.

Со времени формирования социальных границ усилия по индоктринации принимают более жесткие формы, акцент делается

на групповую лояльность, а воинственность возводится в добродетель. Именно так обстоят дела во многих скотоводческих обществах. Хорошей иллюстрацией являются масаи, внушающие мальчикам с самого раннего возраста, что некогда весь скот в Африке принадлежал именно масаям. Следовательно, в соответствии с этой установкой, грабительские набеги моранов с целью угона скота у соседних племен, преступлением не являются. Это всего лишь восстановление исторической справедливости. Мораны (молодые масайские мужчины-воины) индоктринированы на набеги и ведение военных действий. При этом, важнейшей чертой их социальной организации является парохизм и групповая солидарность. Датога, другое скотоводческое общество Восточной Африки, живущее по соседству с масаями, с детства прививают мальчикам идеалы смелости, доблести и физической силы. Герои прославляются в героических песнях-балладах. Отважные воины получают в награду от родственников и соседей скот и рассматриваются родителями молодых девушек в качестве завидных женихов. Эскалация военных действий достигается с использованием особых воинских песен, танцев, в процессе которых противник старательно дегуманизируется.

Безоговорочное подчинение старейшинам является краеугольным камнем любого скотоводческого или земледельческого общества. Если общество претерпевает трансформации – в первую очередь нарушается система субординации младших в отношении старших. Молодежь организуется вокруг своих лидеров-сверстников, и именно они диктуют правила поведения и стратегию группы. Соответственно, они, а не племенной вождь или старейшины, выступают основными агентами индоктринации. Лидеры молодежных объединений оказывают давление и принуждают других сверстников к реализации конкретных целей (включая рейды и военные кампании). Именно такая ситуация сложилась в начале XX в. обществе меру, одного из племен, проживающих в северной Танзании. Юноши из нескольких кланов стали практиковать обрезание и проходить инициацию совместно с масаями-соседями. Масайские лайбоны, получая при этом подарки, не имели ничего против. В результате, эти юноши меру становились частью конкретной возрастной группы, в сущности, побратимами

по инициации не только в отношении друг к другу, но и роднились с моранами [5]. Эти юноши стали принимать участие в разбойных нападениях (в том числе и на европейских путешественников), совместно с масайскими «братьями», при этом игнорируя какие-либо попытки собственного вождя меру призвать их к порядку.

С биологической точки зрения индоктринация функционирует на основе механизмов, заложенных в нейрофизиологии человека, а их эффективность объясняется человеческой ультра-социальностью. Индоктринация основана на механизмах, оперирующих скорее на уровне бессознательного (аффективные процессы в лимбической системе мозга), нежели на уровне рационального принятия решений (когнитивные процессы в коре головного мозга). Это позволяет формировать у индоктринируемых устойчивую систему ценностей, однако сами объекты о такого рода манипуляциях с их психикой даже не подозревают [10]. В процессе эволюции человека групповые стратегии были направлены на усиление альтруизма (пропаганду групповых интересов) и наказание обманщиков, старающихся получить выгоды от группового членства, но при этом нарушавших собственные обязательства по отношению к группе. В этом случае, наказание обманщиков лишь способствовало развитию внутригруппового альтруизма и группового единства [1].

Индоктринация как способ социального контроля в малых группах с персонифицированным членством осуществлялась сравнительно легко, однако с ростом размеров групп реализовать ее становилось все сложнее. Обращение к общему происхождению, единым верованиям и системе ценностей становилось в этом случае обязательным инструментом индоктринации. Относительная анонимность создавала в этих условиях питательную среду для обмана и манипулирования общественными установками.

Новообращенным в процессе индоктринации преподносится заведомо искаженная информация, которая прочно фиксируется их мозгом (механизм сходен с импринтированием), и в дальнейшем не подвергается логическому осмыслению. С развитием средств массовой коммуникации и интернет-технологий акторы

индоктринации получили беспрецедентные возможности для промывки мозгов, вовлечения в различные культы и для политического ангажирования.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что способность человека к индоктринации и индоктринированию имеет под собой биологическую базу. Это обстоятельство не следует забывать при обсуждении «темной стороны» явления в современном обществе. Вместе с тем содержание индоктринации культурно обусловлено, а легкость, с которым оно изменяется, делает его важным фактором человеческой эволюции. Цели индоктринации трансформируются в соответствии с потребностями конкретного общества, необходимостью конкуренции с другими группами, формированием положительных установок в отношениях между конкретными группами, дегуманизацией врагов или расширением границ кооперации за пределы данного сообщества. Чувствительность к индоктринации, исходно эволюционировавшая для стимулирования альтруизма в направлении сородичей, со временем стала использоваться в целях эффективного манипулирования умами идеологами разного рода экстремистских и террористических организаций.

Литература

1. Boyd R., Richerson P. Punishment allows evolution of cooperation (or anything else) in sizable groups // *Ethology and Sociobiology*. 1992. Vol. 13. P. 171–195.
2. Butovskaya M.L. Wife-battering and traditional methods of its control in contemporary Datoga Pastoralists of Tanzania // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2012. Vol. 4. N. 1. P. 28–44.
3. Butovskaya M.L. Aggression and Conflict Resolution among the Nomadic Hadza of Tanzania as Compared with their Pastoralist Neighbors. In: *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views* / Edited by Douglas P. Fry. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 27–296.
4. Butovskaya M.L., Burkova V.N., Mabulla A. Manipulations of the Corpus in the Context of Life Cycle Rites among the Datoga Cattle Breeders of Northern Tanzania // *Social Evolution and History*. 2015. Vol. 14. №. 1. P. 87–104.

5. Butovskaya M.L., Burkova V.N., Karelin D.V. Vameru of Tanzania: Historical origin and their role in the process of national integration // *Social Evolution & History*. 2016. Vol. 15. № 2. P. 160–180.
6. Butovskaya M., Salter F., Diakonov I., Smirnov A. Urban Begging and Ethnic Nepotism in Russia: Pilot Study // *Human Nature*. 2000. Vol. 11. № 2. P. 157–182.
7. Cashdan E. Coping with risk: Reciprocity among the Basarwa of northern Botswana // *Man*. 1985. Vol. 20. P. 454–476.
8. Eibl-Eibesfeldt I. Us and the others. The familial roots of ethnocentrism. In: *Indoctrinability, ideology and warfare: Evolutionary perspectives* / Edited by I. Eibl-Eibesfeldt & F.Salter. New York, Oxford: Berghahn Books, 1998. P. 21–54.
9. Eibl-Eibesfeldt I., Salter F. *Indoctrinability, ideology and warfare: Evolutionary perspectives*. New York, Oxford: Berghahn Books, 1998. 490 p.
10. Janovic T., Ivkovic V., Nazor D, Grammer K., Jovanovic V. Empathy, Communication, Deception // *Coll. Antropol.* 2003. Vol. 27. № 2. P. 809–822.
11. Lee R.B. The sociology of !Kung Bushman trance performances. In: *Trance and possession states* / Edited by R. Prince. Montreal: Bucke Memorial Society, 1968.
12. Marlowe F.W. *The Hadza: hunter-gatherers of Tanzania*. Berkeley: University of California Press, 2010.
13. MacDonald K.B. An integrative evolutionary perspective on ethnicity // *Politics and the Life Sciences*. 2001. Vol. 21. N. 2. P. 67–79.
14. Schiefenhovel W. Indoctrination among Eipo of the highlands of West-New Guinea. In: *Indoctrinability, ideology and warfare: Evolutionary perspectives* / Edited by I. Eibl-Eibesfeldt & F.Salter. New York, Oxford: Berghahn Books, 1998. P. 109–132.
15. Wiessner P. Indoctrinability and the evolution of socially defined kinship // *Indoctrinability, ideology and warfare: Evolutionary perspectives* / Edited by I. Eibl-Eibesfeldt & F.Salter. New York, Oxford: Berghahn Books, 1998. P. 133–150.